НЕ СВОЕЙ СМЕРТЬЮ

Александр Владимирович Васюков

Александр Васюков

Не своей смертью

https://litres.ru/74999794
SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если тебя ведут на казнь не за преступление, а просто за то, какой ты есть?

В четыре года в лицо автору прилетел кирпич. Позже он сам вытащил из носа осколок собственной кости — живое свидетельство того, что выжил, — но выбросил его из страха показаться «странным». С этого началась долгая дорога под стук внутренних барабанов и чужой приговор без статьи.

Честная исповедь и карта выхода из навязанного стыда. Без обещаний счастья и без единого упоминания "работы над собой" автор разбирает, как чужая боль становится нашей «виной», почему позиция жертвы бывает удобным укрытием и как восстановить живой «провод» связи с собой, предками и миром.

Внутри — откровенные беседы с внутренним критиком и вопросы-остановки, помогающие услышать собственный голос. Эта книга не о смерти. Она о том, как перестать казнить себя каждый день при жизни, найти тишину между ударами и наконец выйти на свободу.

Содержание

Пролог. Строка из детства 6
Глава первая. Приговор без статьи 8
Глава вторая. Связь возникновения 9
Глава третья. Генна 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Не своей смертью

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ВАСЮКОВ

НЕ СВОЕЙ СМЕРТЬЮ

Исповедь

«Я не смерти боюсь, а умереть не своей смертью. И не своей жизнью жить тоже боюсь. Потому что своя жизнь — это та, где барабаны стихли».

Посвящается моей жене Васюковой Виктории Владимировне

Ты держала мою руку, когда я сам не понимал, куда иду. Ты не вела меня на казнь — ты помогла мне выйти из неё. Спасибо, что была рядом.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Строка из детства 4
Глава первая. Приговор без статьи 6
Глава вторая. Связь возникновения 7
Глава третья. Генна 9
Остановка в пути (Вопросы к читателю) 12
Глава четвёртая. Мой эксперимент 13
Глава пятая. Диалоги в тишине 15

Глава шестая. Письмо тем, кто держит пульт 18
Глава седьмая. Между «успеть» и «уже» 19
Глава восьмая. Жене 20
Глава девятая. Выход из казни 21
Послесловие 22
Приложение. Этический манифест 23

Пролог. Строка из детства

С чего начать? Пожалуй, с самого начала. Мне было четыре года, когда мне в лицо прилетел кирпич. Не в драке, не на войне — просто на детской площадке, без причины и без единого крика. Я упал. Помню, что даже не плакал: лежал и чувствовал, как внутри что-то надломилось.

Через какое-то время — не помню, прошли дни или недели — я сам вытащил у себя из носа осколок собственной кости. Белый, твёрдый, настоящий. Я держал его на детской ладони и понимал то, чему у меня ещё не было имени: это часть меня, живое свидетельство того, что я пережил удар, вытащил из себя последствие чужой жестокости и остался цел. Мне очень хотелось сохранить косточку. Но я испугался, что взрослые увидят её и решат, будто я странный, ненормальный, что я сошёл с ума. И я выбросил её. Потерял.

Спустя десятилетия я понял: всю жизнь я искал именно её. Не физический осколок — право на свою правду и целостность, право не прятать свои шрамы ради того, чтобы казаться «нормальным» и удобным для окружающих.

Косточка была моей первой, ненаписанной книгой. Эту книгу я пишу теперь заново — и на этот раз я её не выброшу.

А ещё во мне с детства жила одна странная строчка, будто вырванная из кем-то ненаписанной книги: *«Как идём мы вместе с мамой на мою казнь. И сухой барабан всё стучит,*

стучит, стучит…»

Обычно на казнь ведут приговорённых преступников или пленных солдат. Там страшно, но хотя бы понятно: есть внешний враг, есть приговор и есть конец. Однажды я задал себе страшный вопрос: а что, если тебя ведут на плаху не за преступление и не на чужой войне? Что, если тебя ведут на казнь просто за то, какой ты есть, — потому что окружающие нашли в тебе некий изъян, указали на твой «первородный грех» и лишили права быть чистым в их глазах?

Когда приговор выносят не за поступки, а за сам факт твоего рождения, казнь перестаёт быть внешним событием. Она перемещается внутрь. Стыд становится приговором, который не смыть никакими делами, и сухие барабаны начинают стучать прямо в твоей груди. Ты больше не просто жертва, которую ведут на эшафот, — ты сам становишься этой бесконечной процессией.

Но пока внутри есть тот, кто слышит этот ритм и пытается дать ему имя, остаётся шанс остановиться. И написать свою Книгу.

Глава первая. Приговор без статьи

Они вошли не через дверь. Они вошли через взгляд, через слово, брошенное вполголоса, в те годы, когда я ещё не знал, что слова бывают с лезвиями. Они не ломали замков — просто нашли щель там, где я считал себя невидимым и защищённым, и влили в эту щель знание обо мне самом: будто я ношу в себе с рождения порчу, некое родимое пятно — под кожей, под памятью, под собственным именем. Они поднесли ко мне своё кривое зеркало и заставили в него поверить.

С того момента я перестал быть просто собой и стал носителем того, что в меня вложили. Стук пошёл изнутри, словно моё собственное сердце забилось в чужом, навязанном ритме. Мама взяла меня за руку, и мы пошли. Это был суд без обвинителя и приговор без статьи. Я до сих пор не знаю, в чём меня обвиняли, — но всю жизнь слышал этот внутренний барабанный бой.

Знаю только, когда всё началось. Первый камень прилетел в четыре года — задолго до того, как я мог бы быть в чём-то виноват. Приговор был вынесен раньше, чем жизнь успела предъявить хоть одно доказательство.

Глава вторая. Связь возникновения

Война начинается не на государственных границах. Она начинается в ту секунду, когда одному человеку указывают на его «пятно» и объявляют само его существование ошибкой. Большая часть жестокости в мире — это цепная реакция непереработанного стыда: человек, в которого вложили чувство неполноценности, доходит до того, что ищет того, кто слабее, — и передаёт барабаны дальше по цепочке.

Но если стук можно остановить, значит, можно понять, как он устроен. Я искал ответ не в лабораториях, а внутри себя — там, куда когда-то вошли непрошеные судьи. И когда страх отступил, я увидел простую вещь: человек не рождается виноватым. Он приходит в мир с чистым «проводом», который тянется к самому истоку бытия — к тому, что существовало до всех наших имён и правил.

Этот провод — не догма и не наука, а живое ощущение сопричастности. Когда я смотрю на дерево, я вижу не просто ствол и листву; я ощущаю семя, почву, пролившийся дождь, время и солнечный свет. Я — не оторванный от мира листок, а часть того же непрерывного процесса жизни. Но когда человеку внушают, что он «ошибка», провод обрывается — и он остаётся один на один со своим одиночеством и виной.

Метод, к которому я пришёл, — восстановление оборванного провода. Он не требует денег и сложных устройств. Он требует только сдвига оптики: вместо фиксации на ошибке и «пятне» — внимание к происхождению и корням; вместо воспитания через страх и стыд, которые неизбежно рождают глухую защиту и ответную агрессию, — путь наблюдения, понимания и принятия. Суть его в одном вопросе, который я задаю себе в любой момент боли или гнева: *«Откуда во мне это? Не кто виноват — а где корень?»* Ответ приходит не в виде судебного обвинения, а в виде карты моего возникновения — генетической, семейной, исторической и эмоциональной.

Так вспышка гнева перестаёт быть признаком «злой натуры» и становится долгим эхом страха деда, пережившего голод или войну. Она больше не проклятие — она факт биографии, который можно осознать и отпустить. И тогда настоящая победа над смертью оказывается не в том, чтобы бесконечно чинить плоть, а в том, чтобы перестать умирать от страха и вины ещё при жизни.

Глава третья. Генна

Размышляя о проводе, который соединяет всё живое, я долго искал точное слово для первоисточника. Однажды, в обычной тишине между двумя ударами сердца, оно пришло само: **Генна**.

Когда-то мелькнула почти шутливая мысль: а вдруг у Бога простое, тёплое, почти домашнее имя — вроде «Гена», как у близкого родственника или старого друга, с которым можно говорить без страха и сложных ритуалов? Человеку естественно искать в высшем начале что-то родное — того, кто просто подержит за руку в тёмный час. Но позже я понял, что услышал не человеческое имя, а понятие: *Генна*, от слова «гены», совокупность всех кодов жизни.

Генна — не геенна. Буквы те же, и это не случайно. Одно слово означает ад, другое — ткань, из которой всё соткано. Я долго думал, не опасно ли называть источник жизни так, что он звучит как место казни. Но потом понял: в этом и есть суть. Ад и рай — не места, а состояния: мы попадаем в ад, когда смотрим на себя чужими глазами, и в рай — когда возвращаемся к истоку. Генна — не кара. Генна — то, что остаётся, когда кара снята.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.